

Место, где берет язь

Общая газ - 2002 - 23-29 мая - с.14.

В этом году
Татьяне Мавриной
исполнилось бы сто лет

Я страшно люблю писателя Юрия Ковалья. Он писал свои кратчайшие, в одно или несколько предложений, рассказы об очень простых вещах: о грачиных гнездах и теплом ветре, о том, что надо кричать вслед улетающим журавлям, почему лошадь Тучку, рыжую, как огонь, любят галки... И все это — птицы, березы, кони — есть в акварелях Татьяны Мавриной.

— Это очень простое слово — рука, — говорил Коваль. — Чего уж проще? Но это слово обретает особенный смысл, когда говорят про руку художника.

Рука Татьяны Алексеевны Мавриной была легкой. И это удача, что она встретила руку Юрия Ковалья.

В Древнем Китае была такая традиция в литературе и живописи — пейзажная лирика. Не мог китаец спокойно смотреть на окружающую действительность, все любовался: иду, мол, за временами года и вздыхаю — уходят... Или: скорблю по опавшей листве в мощную осень, люблюсь на нежные ветви весной...

Живопись и поэзия были близки во всем, даже в материале, которым пользовались поэт и художник: кисть, тушь и шелк.

Поэт становился художником, художник поэтом. И потом не понять, кто кого иллюстрировал.

Крупными буквами, кисточкой, и не в уголке, а прямо на рисунках, то удивляясь, то радуясь, а то и напоминая нам, Маврина пишет: «Бежит ручей!», «Цветет верба!», «Опять неведомая птица!», «Лось, уйди!», «Вороны притихли!», «А в Клузове солнце!», «Парчовая осень!», «Млечный путь из ромашек в этом 1989 году!» Вдруг портрет человека с фамилией Солнечкин.

Все подписано, названо с географической точностью: каждая речка — Цна, Дубна, Протва, Арбузовка; каждая бабочка — галатея, желтушка, сфинкс; деревни — Дворики, Тараканово, Волковойня, неведомая Ведомша, даже указатель дороги на Вышний Волочок не забыт.

Эта подробность и точность многого стоят. Помните, как в «Планете людей» Экзюпери изучал карту маршрута? Он отмечал то, что важно для ночного пилота: три апельсиновых дерева на краю поля, ручеек, тридцать драчливых баранов и дом на горе — окна этого дома всегда готовы помочь летчикам своими огнями. Вернется Экзюпери из полета и передаст эту карту, эти три далеких апельсиновых дерева следующему новичку, и деревья будут жить, пока о них хоть кто-нибудь знает. Так живут рисунки Татьяны Мавриной — в настоящем, не выдуманном пространстве, и мы это чувствуем, видим и слышим, как «чух-чух-чух, уютно-уютно» — вокруг нее свистят, цокают, тирликают птицы.

— Хочу солнце, — говорил Татьяне Алексеевне Юрий Коваль, когда работали они вместе над книжкой.

— У меня много зимних солнц, — отвечала художница, — вот зеленое, желтое... Кабан пробежал очень быстро, я еле успела нарисовать. Собака одна и та же, с двух ракурсов, звезды... А что делать с воронами — возьмем или нет? Сороки у нас были, а ворон не было. А грачей в конце. Так-так, лося взяли, нужен иней...

Нарисовала Татьяна Алексеевна ручей осенью и написала на рисунке: «Лесная речка».

— Разве ж это речка? — спросил Коваль. — Это — ручей.

— Это летом — ручей, а осенью — речка, — не сдастся Маврина.

И нет бы им успокоиться, а они давай выяснять, куда эта речка-ручей течет, очень дотошные.

— Не в Сходню ли? — говорит Маврина. — У Сходни берега высокие. По ним нужно спускаться и подниматься к воде. Отсюда и название — Сходня...

Прочитала Татьяна Алексеевна рассказ Ковалья «После грозы» и подписала от себя на рисунке:

Во лугах, во лугах,
Расцвели цветы лазоревые,
Пошли духи малиновые...

Посмотрел Юрий Коваль на мавринские «Рыжие дубы» и удивился: «Так много обо всем написал, а о дубах забыл. Почему, собственно? Разве не видел их никогда, не замечал, как дол-

го хранят они верность осени?» И родился рассказ «Дубы».

«Наступила осень.

Вспыхнули березы, осины. Только дубы, как зеленые острова, стояли посреди леса.

Кончилась осень. Опали листья. Лес почернел, помрачнел. Только дубы светились в нем, как острова старого золота...»

В этом, наверно, и есть щедрость и мастерство художника — в узнавании: и ты мог там быть, и ты мог видеть...

— Было ведь и такое, — рассказывал Юрий Коваль, — и я стоял на бугре, с которого был написан этюд. Вот дальний лес называется Мишуковский, а речка внизу — Сестра, и вон под теми ветлами лучше не ловить — коряги, ловить тут надо с лодки, да вот и лодка на рисунке, стоит над ямой, где берет язь.

Вот что он говорит в моем любимом рассказе «Кони»: «Ред-

ко в наших местах встретишь теперь коней, а встретишь — всегда обрадуешься». И я его понимаю. Потому что каждую весну с нашей деревенской лошадкой Зорей сажаю картошку. Нарочно приезжаю из города.

— Прямо, Зоря, прямо, — говорит Володя-пахарь, главный картофельный человек.

— По кромке борозды идет Зоря, вслед ей кладем картошины. Галки налетают на свежего весеннего червячка. Облака белее-белее над нами.

И что такое супонь, и что значит рассупониться, — Юрий Коваль наверняка знал, и у него всегда в кармане был кусок сахара или черного хлеба.

Ни он, ни Татьяна Маврина ничего не выдумывали, они просто жили. Может быть, это и было главное.